

Вторник, 13 марта 1984 года

Сегодня день рождения А. С. Макаренко

ПЕРВЫЕ
ВСХОДЫ

ДОМ СКАЛЬКОВСКОГО в каких-нибудь трехстах шагах к за- паду от железнодорожных путей. Если пересечь полотно и взять немного вправо, пройти с пол- версты, то обнаружишь доброт- ный пятистенный дом Авраменко. На пыльной, немошеной улочке перед самым домом возвышае- ся вековая липа с бесконечным разнообразием ветвей, листьев и душистых светло-зеленых цвет- ков. Из этих вот нежных цве- точков Татьяна Михайловна и приготовляла для Тоси целебный, убивающий любую простуду чай. Когда семья Семена Григорьеви- ча перебралась сюда в середи- не лета, Авраменко как раз и занимался тем, что, стоя на двухстворчатой стремянке, обры- вал липовый цвет...

За домом и под стенами ко- нюшни попеременно с крапивою росли громадные лопухи и пыш- ный, полный колючего цветения репей. Лет пятнадцать спустя Антон Макаренко будет восхи- щаться неприхотливостью и стой- костью татарника, сослужившего Льву Толстому роль зеленого огня семафора, когда он создавал бессмертного «Хаджи-Мурата». Но сейчас Антоше было не до литературы и не до какого-то там репейника. Он был огорчен, что пришлось расстаться с заросшим густым малинником дво- ром дома Скальковского. Сюда постоянно доносились лягз и скрежет вагонов, протяжные гуд- ки паровозов, гулкие голоса сцепщиков.

Вместе с сестрами Тося подол- гу рассматривал тянущиеся внизу у подножия холма тяжелые то- варные составы, мелькающие пассажирские и курьерские по- езды.

Поезда поездами, но и бога- тый цветением и всякой жив- ностью двор авраменского дома таил в себе необыкновенные возможности для интересного времяпрепровождения. В конюш- не всегда стояла и звучно хрум-кала овес Сивка. Сын домохо- зяина Коля Авраменко уверял Антошу, что лошадь и спит ночью стоя. Но старый конюх Трофим сообщил, что любая ло- шадь, хоть и тяжело и неумело, но все же укладывается иной раз на ночь спать.

Кругом было расточительное

обилие притомленной жарой, по- блекшей от пыли зелени. Среди густо разросшихся вишен сно- вали куры, мирно уживающиеся с голубями.

Несмотря на нежную привя- занность к младшему своему брату Виталию, Тося при каж- дом удобном случае ускользал по утопающим в садах улочкам к железной дороге. Он часами ле- жал с выпуском «Всемирного путешественника» в каком-ни- будь окруженном кустами ака- ции или сирени уединенном уголке насыпи. Иногда отклады- вал книгу и любовался ослепи- тельной голубизной убегающих в неизведанную даль рельсов. Во- ображение переносило его не только за пределы Белополья и Харьковской губернии, но и за пределы огромного пространства, называемого в книге Российской империей. Он вспоминал споры отца с веселым, неунывающим дядей Угрюмом, всерьез утверж- давшим, что люди живут и на звездах.

НИКТО НЕ УЧИТ ОТЦОВ, как справлять свою отцовскую долж- ность. В самой серьезной этой профессии каждый выражает свое понятие о жизни, долге или счастье. Ничем большим не мог помочь сыну Семен Григорье- вич, как научить его делать вся- кое дело лучше другого. Это ка-салось не только чистки штiblет-ли или умения аккуратно, если не сказать, изящно одеться, но и умения говорить просто, понят- но, складно, без излишнего лукавства и выспренности.

В самом конце сентября Се- мен Григорьевич отвел сына в двухклассное училище, помещав- шееся в одной из станционных построек. Заведующий Яков Се- менович Стефанов не сразу под- дался уговорам — уж слишком мал и тщедушен был Антоша Ма- каренко. Но когда послушал, как мальчик читает и бойко отвечает на вопросы, записал его в пер- вое отделение первого класса. Следует заметить, что каждый класс состоял из двух отделений и, чтобы окончить училище, надо было, таким образом, проучиться четыре года.

Учебный год начинался 2 се- нтября, в понедельник. В это утро Антон позавтракал вместе с от- цом, и они вдвоем вышли из до-

ма. Училище было железнодоро- рожное, и отныне ему полагалось носить черную фуражку с сере- бряными молоточками. Прежде чем повернуть в мастерские, отец поправил ему новенькую фуражку и сказал:

— Четверки лучше не прино- си! Пятерки, понимаешь? Только пятерки!

Это напутствие отца каким-то бессознательным путем сделае- ся законом жизни не только для Антона Макаренко, но и жизни тех его будущих воспитанников, которые сами потом станут педа- гогами. Речь не о пятерках, а о той принципиальной позиции, что прослеживается во всей пе- дагогической деятельности наше- го героя: «Если что-нибудь де- лаешь, делай это лучше любого из присутствующих. Иначе сов- сем не берись...»

На исходе первой школьной недели Семен Григорьевич вдруг обнаружил, что лицо его первен- ца заметно поскуцнело и погру- стнело.

— Ну как дела, сынок? — на- рочито безразличным тоном спросил отец, когда они в сле- дующий понедельник выходили утром из дома.

Губы Антона вздрогнули, он весь побледнел, чтобы не раз- ревется, как маленькая сестра Наталья. И произнес упавшим голосом:

— Не учат толстые книги чи- тать, которые вы читаете. Одни палочки писать заставляют.

— Заставляют?! — полувопро- сительно-полуупрежительно про- тянул отец. — Москва ведь то- же не сразу строилась. И палоч- ки согдятся, если с душой к ним подходить будешь.

— У меня пятерка за чистопи- сание, — ответил Антоша не без грусти и поплелся к воротам учи- лища.

«Может, права была Пелагея, — размышлял по дороге в цех Семен Григорьевич. — Стоило ли Тошу так рано к книге при- вораживать?»

Самым первым любимым учи- телем Антона Макаренко был Константин Максимович Саль- ник, появившийся в училище после зимних каникул. Волганов- ская учительская семинария, ко- торую окончил Сальник два го- да назад, не смогла приглушить в нем здорового крестьянского начала. Он глазами своих роди- тель-крестьян рассматривал не только окружающие поселок по- ля и перелески, куда вожил уче- ников на прогулки, но и саму железную дорогу с бегущими по ней поездами.

Теперь он часто вскакивал чуть свет. От нетерпения поско- рее увидеть учителя приходил раньше всех, садился за свою парту и с упоением погружался в журнал «Всходы», который успе- л уже полюбить всем своим детским существом. Выходящее каждые два месяца новое ил- люстрированное издание для от- ровков печатало записки-воспо- минания Глинки о его детстве и учебе в пансионе. Оказывается, мальчиком Глинка тоже зачиты- вался повествованиями о путе- шествиях Васко да Гама, о цве- тушном Цейлоне и других дико- винных уголках земного шара...

К парте со странной для та- кого тяжеловеса легкостью не- слышно приблизился Константин Максимович, и Антон мгновенно приподнялся, но тот лишь сжал тихонько его плечи, словно хо- тел на ощупь проверить, отчего их владелец столь щупл:

— Сиди, сиди, друг-приятель! Про композитора читаешь — вот это мне нравится. Я только пы- таюсь понять, почему ты всегда один. — Учитель говорил, и голо- ва его, как всегда, была чуть склонена на бок. — А тебе ведь очень подойдет скрипка, а? Нет, в самом деле, поговорю-ка я с ба- тей твоим, пусть скрипочку те- бе справит.

Антоша вспыхнул от радости, чувствуя, что учитель говорит всерьез. Каждый его урок —

будь то природоведение или арифметика — производил огром- ное преобразующее воздейст- вие. Константин Максимович ни- когда не кричал, никого не на- казывал, казалось, он не заме- чал даже шалостей, за что был награжден ласковым прозвищем: «Слепуха». Впрочем, шалостей на его уроках было все меньше и меньше, потому что класс поч- ти всегда был заворочен ярко- стью неожиданностью оборота и течения мысли учителя.

КОГДА АНТОН учился на третьем отделении, Константин Максимович был назначен заве- дующим училища.

— Здравствуйте, друзья-прия- тели! — это привычное обраще- ние любимого всеми учителя звучало теперь во всех уголках училища. — Милые дети! — Он употреблял и такое обращение, выдумщик с серьезным лицом. Левая рука его вспорхнула, слов- но у фокусника, и между боль- шим и указательным пальцем все увидели вдруг необычно спелый и чересчур красный для холод- ного апрельского времени помидор. — Что будем предпочитать: настоящий помидор или нарисо- ванный у вас в книжках?

— Кто что будет сажать? — спросил учитель. Вопрос оказал- ся риторическим, поскольку Сле- пуха тотчас же разложил на сто- ле тщательно вычерченный план дворов, где жили все его учени- ки, и без промедления принялся сколачивать ученические трудо- вые артели. Одной предназна- чено было сажать и выращивать картофель, другой морковь, тре- тьей капусту, четвертой помидоры... Все у Сальника было размечено цветными карандаша- ми, и каждая артель получала картонные знаки-стандарты с изображением той же моркови, ко- чана капусты или помидора — в общем, «профилирующего про- дукта», как любил произносить учитель два этих чрезвычайно серьезных слова каким-то осо- бым медоточивым голосом.

...Антоша наклонился к опы- той своей грядке, которая со- держалась у него как картинка между конюшней и садом. Неж- ный, бледно-зеленый стебелек, почувствовав надежное тепло земли, вытянулся в немом изум- лении. Именно Антона назна- чил Слепуха командовать помидорной артелью, и он не только теперь узнавал сам на собствен- ном опыте, но и учил перво- классника Ваню Чернышева и еще трех своих сверстников, как готовить семена и землю, как удобрять, поливать и вообще ухаживать за растениями. Ра- дость охватила мальчишку, ког- да он заметил, что всходы появ- ились у него раньше, чем на хо- зяйском огороде. Рядом цветут вишни — белые облака на фоне шелковистой голубизны неба и зеленеющих в солнечной дым- ке старинных вязов.

Странно и прихотливо челове- ческое сознание! Любое наше чувство несет следы пережитого, а когда мы о нем вспоминаем, оно осложняется настоящим и всем, что произошло с тех пор. Вот почему, когда Антон Семен- ович Макаренко ровно за мес- сяц до своей кончины вспоминал учителя Константина Максимови- ча Сальника, властителя ста два- дцати детских сердец, эти вос- поминания помогли сформулиро- вать ответ на поставленный им самим же вопрос: «Что бы я сделал на месте директора шко- лы?», когда он выступал 1 марта 1939 года в лектории Москов- ского университета:

«Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы брига- ды. Бригады приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в мес- сяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я преми- ровал бы лучшие бригады в школе».

Б. ВОЛКОВ.